

Доходное место

Автор:

Александр Островский

Доходное место

Александр Николаевич Островский

«Большая зала в доме Вышневого, богато меблированная. Налево дверь в кабинет Вышневого, направо – в комнаты Анны Павловны; по обе стороны на стенах по зеркалу и под ними столики; прямо входная дверь...»

Александр Николаевич Островский

Доходное место

Действие первое

Действующие лица

Аристарх Владимирович Вышневецкий, одряхлевший старик, с признаками подагры.

Анна Павловна, жена его, молодая женщина.

Василий Николаич Жадов, молодой человек, племянник его.

Аким Акимыч Юсов, старый чиновник, служащий под начальством Вышневого.

Онисим Панфилович Белогубов, молодой чиновник, подчиненный Юсову.

Антон, человек в доме Вышневого.

Мальчик.

Большая зала в доме Вышневого, богато меблированная. Налево дверь в кабинет Вышневого, направо – в комнаты Анны Павловны; по обе стороны на стенах по зеркалу и под ними столики; прямо входная дверь.

Явление первое

Вышнево в байковом сюртуке и без парика и Вышнево в утреннем наряде. Выходят из половины Вышнево.

Вышнево. Какая неблагодарность! Какая злоба! (Садится.) Пять лет вы за мной замужем, и в пять лет я не могу ничем заслужить вашего расположения. Странно! Может быть, вы недовольны чем-нибудь?

Вышнево. Нисколько.

Вышнево. Я думаю. Не для вас ли я купил и отделал великолепно этот дом? Не для вас ли я выстроил в прошлом году дачу? Чего у вас мало? Я думаю, ни у одной купчихи нет столько бриллиантов, сколько у вас.

Вышнево. Благодарю вас. Впрочем, я ничего от вас не требовала.

Вышневецкий. Вы не требовали; но я должен был чем-нибудь вознаградить вас за разность в годах. Я думал найти в вас женщину, способную оценить жертвы, которые я вам принес. Я ведь не волшебник, я не могу строить мраморных палат одним жестом. На шелк, на золото, на соболь, на бархат, в который вы окутаны с головы до ног, нужны деньги. Их нужно доставать. А они не всегда легко достаются.

Вышневецкая. Мне ничего не нужно. Я уж говорила вам не один раз об этом.

Вышневецкий. Но мне нужно же наконец покорить ваше сердце. Ваша холодность меня сводит с ума. Я страстный человек: из любви к женщине я способен на все! Я купил вам в нынешнем году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которые я ее купил... как бы это вам сказать?.. ну, одним словом, я рискнул более, нежели позволяло благоразумие. Я могу подлежать ответственности.

Вышневецкая. Ради Бога, не делайте меня участницею ваших поступков, если они не совсем честны. Не оправдывайте их любовью ко мне. Я вас прошу. Для меня это невыносимо. Впрочем, я не верю вам. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно так же. Я даже перед своей совестью не хочу отвечать за ваше поведение.

Вышневецкий. Поведение! Поведение! Из любви к вам я готов даже на преступление. Чтобы только купить вашу любовь, я готов заплатить своим бесчестьем. (Встает и подходит к Вышневецкой.)

Вышневецкая. Аристарх Владимирыч, я притворяться не могу.

Вышневецкий(берет ее за руку). Притворитесь! Притворитесь!

Вышневецкая(отвернувшись). Никогда.

Вышневецкий. Но ведь я вас люблю!.. (Дрожа, опускается на колени.) Я вас люблю!

Вышневецкая. Аристарх Владимирыч, не унижайтесь! Вам одеваться пора. (Звонит.)

Вышневецкий поднимается. Входит Антон из кабинета.

Одеваться Аристарху Владимирычу.

Антон. Пожалуйста, готово-с. (Уходит в кабинет.)

Вышневецкий идет за ним.

Вышневецкий(в дверях). Змея! змея! (Уходит.)

Явление второе

Вышневецкая(одна, сидит несколько времени задумавшись).

Входит мальчик, подает письмо и уходит.

От кого это? (Распечатывает и читает.) Вот еще мило! Любовное послание. И от кого же! Пожилой человек, жена красавица. Мерзко! Оскорбительно! Что делать женщине в таком случае? И какие пошлости написаны! Какие глупые нежности! Послать его назад? Нет, лучше показать его кой-кому из знакомых да посмеяться вместе, все-таки развлечение... фу, как гадко! (Уходит.)

Антон выходит из кабинета и становится у двери; входит Юсов, потом Белогубов.

Явление третье

Антон, Юсов и Белогубов.

Юсов(с портфелем). Доложи-ка, Антоша.

Антон уходит.

Юсов поправляется перед зеркалом.

Антон(в дверях). Пожалуйте.

Юсов уходит.

Белогубов(входит, вынимает из кармана гребенку и причесывается). Что, Аким Акимыч здесь-с?

Антон. Сейчас прошли в кабинет.

Белогубов. А сами-то как сегодня? Ласковы-с?

Антон. Не знаю. (Уходит.)

Белогубов стоит у стола подле зеркала.

Юсов(выходя, заметно важничает). А, ты здесь.

Белогубов. Здесь-с.

Юсов(просматривая бумагу). Белогубов!

Белогубов. Чего изволите-с?

Юсов. Вот, братец ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

Белогубов. Мне приказали переписать-с?

Юсов(сядась). Тебе. У него, сказали, почерк хорош.

Белогубов. Мне очень приятно слышать-с.

Юсов. Так ты слушай, братец: ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать...

Белогубов. Я ведь, Аким Акимыч, понимаю-с. Каллиграфически напишу-с, всю ночь просижу.

Юсов(вздыхает). Охо-хо-хо! охо-хо-хо!

Белогубов. Мне, Аким Акимыч, только бы обратили внимание.

Юсов(строго). Что ты шутишь этим, что ли?

Белогубов. Как можно-с!..

Юсов. Обратили внимание... Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего он еще желать может?

Белогубов. Да-с!

Юсов. Обратили на тебя внимание, ну, ты и человек, дышишь; а не обратили – что ты?

Белогубов. Ну, что уж-с.

Юсов. Червь!

Белогубов. Я, кажется, Аким Акимыч, стараюсь-с.

Юсов. Ты? (Смотрит на него.) Ты у меня на хорошем замечании.

Белогубов. Я, Аким Акимыч, даже в пище себе отказываю, чтоб быть чисто одетым. Чисто одетый чиновник ведь всегда на виду у начальства-с. Вот извольте посмотреть, как талия... (Поворачивается.)

Юсов. Постой. (оглядывает его и нюхает табак.) Талия хорошо... Да еще, Белогубов, смотри, пограмотней.

Белогубов. Вот правописание-то я, Аким Акимыч, плохо-с... Так что, поверите ли, самому обидно.

Юсов. Эка важность, правописание! Не все вдруг, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потом уж с этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

Белогубов. Уж попрошу кого-нибудь-с поправить, а то все Жадов смеется-с.

Юсов. Кто?

Белогубов. Жадов-с.

Юсов(строго). Да сам-то он что такое? Что за птица? Еще смеется!

Белогубов. Как же-с, ведь надо показать, что ученый-с.

Юсов. Тьфу! Вот что он.

Белогубов. Я даже никак не могу определить его, Аким Акимыч, что он за человек-с.

Юсов. Ничтожество!..

Молчание.

Сейчас я там был (показывая на кабинет), так говорили (тихо): не знаю, что с племянником делать! Пойми из этого.

Белогубов. А ведь как о себе-то много мечтает-с.

Юсов. Высоко летает, да где-то сядет! Уж чего лучше: жил здесь на всем готовом. Что ж ты думаешь, благодарность он чувствовал какую-нибудь? Уважение от него видели? Как же не так! Грубость, вольнодумство... Ведь хоть и родственник ему, а все-таки особа... кто же станет переносить? Ну, вот ему и сказали, другу милому: поди-ка поживи своим разумом, на десять целковых в месяц, авось поумнее будешь.

Белогубов. Вот глупость-то до чего доводит-с, Аким Акимыч! Кажется, то есть... Господи... этакое счастье! Поминутно должен Бога благодарить. Ведь так я говорю, Аким Акимыч, должен он Бога благодарить-с?

Юсов. Еще бы!

Белогубов. Сам от своего счастья бегаает. Чего ему еще нужно-с! Чин имеет, в родстве с таким человеком, содержание имел готовое; кабы захотел, мог бы место иметь хорошее, с большим доходом-с. Ведь Аристарх Владимирыч ему не отказали бы!

Юсов. Ну, вот поди же!

Белогубов. Мое мнение такое, Аким Акимыч, что другой человек, с чувством, на его месте стал бы сапоги чистить Аристарху Владимирычу, а он еще огорчает

такого человека.

Юсов. Все гордость да рассуждение.

Белогубов. Какое же рассуждение! Об чем мы можем рассуждать? Я, Аким Акимыч, никогда...

Юсов. Еще бы ты-то!

Белогубов. Я никогда-с... потому это ни к чему не ведет к хорошему, кроме неприятности.

Юсов. Как же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что в университете был.

Белогубов. Какая же польза от ученья, когда в человеке нет страху... никакого трепету перед начальством?

Юсов. Чего?

Белогубов. Трепету-с.

Юсов. Ну, да.

Белогубов. Меня бы, Аким Акимыч, столоначальником-с.

Юсов. У тебя губа-то не дура.

Белогубов. Я ведь больше потому-с, что у меня теперь невеста есть-с. Барышня и отлично образованная-с. Только без места нельзя-с, кто ж отдаст.

Юсов. Что ж не покажешь?

Белогубов. Первым долгом-с... хоть нынче же... как вместо родственника-с.

Юсов. А об месте я доложу. Мы подумаем.

Белогубов. Мне бы уж это место на всю жизнь-с. Я хоть подписку дам, потому выше я не могу-с. Мне не по способностям.

Входит Жадов.

Явление четвертое

Те же и Жадов.

Жадов. Что, дядюшка занят?

Юсов. Занят.

Жадов. Ах, жалко! А мне очень нужно его видеть.

Юсов. Можно и подождать, у них дела-то поважней ваших.

Жадов. Почему вы знаете мои дела?

Юсов(смотрит на него и смеется). Какие у вас дела! Так, вздор какой-нибудь.

Жадов. С вами лучше не говорить, Аким Акимыч; вы всегда на грубость напрашиваетесь. (Отходит и садится на авансцене.)

Юсов(Белогубову). Каков?

Белогубов(громко). Не стоит внимания разговаривать-то! Только вам, на старости лет, себя беспокоить. Прощайте-с. (Уходит.)

Явление пятое

Жадов и Юсов.

Юсов(про себя). Ха, ха, ха! Жили, жили, да, слава Богу, дожили. Мальчишки стали нос поднимать.

Жадов(оглядывается). Что вы там ворчите?

Юсов(продолжает). Делать, что приказано, мы не любим, а рассуждать вот наше дело. Как можно нам в канцелярии сидеть! Нас бы всех министрами сделать! Ну, что ж делать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали ваших талантов. Сделаем министрами, непременно сделаем... погодите немножко... завтра же.

Жадов(про себя). Надоел!

Юсов. Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совести. У другого еще и губы не обсохли, а уж амбицию показывает. Кто я! Не тронь меня!

Входит Антон.

Антон(Юсову). Пожалуйте к барину.

Юсов уходит в кабинет.

Жадов. Скажи Анне Павловне, что я хочу их видеть.

Антон. Слушаю-с. (Уходит.)

Явление шестое

Жадов(один). Что этот старый хрыч разворчался! Что я ему сделал! Университетских, говорит, терпеть не могу. Да разве я виноват? Вот и служи под таким начальством. А впрочем, что же он мне сделает, коли я буду себя вести хорошо? А вот как вакансия откроется, так, пожалуй, местом и обойдут. От них станется.

Вышневецкая входит.

Явление седьмое

Жадов и Вышневецкая.

Вышневецкая. Здравствуйте, Василий Николаич!

Жадов. Ах, тетенька, здравствуйте! (Целует у ней руку.) Я вам новость скажу.

Вышневецкая. Садитесь.

Садятся.

Что за новость?

Жадов. Я жениться хочу.

Вышневецкая. Не рано ли?

Жадов. Влюблен, тетушка, влюблен. И какая девушка-то! Совершенство!

Вышневецкая. А богата она?

Жадов. Нет, тетушка, у ней ничего нет.

Вышневецкая. Чем же вы жить-то будете?

Жадов. А голова-то, а руки-то на что? Неужели мне весь век жить на чужой счет? Конечно, другой был бы рад, благо случай есть, а я не могу. Уж не говоря про то, что для этого я должен, из угождения дяде, противоречить собственным убеждениям. А кто ж будет работать-то? Зачем же нас учили-то! Дядя советует прежде нажить денег, каким бы то ни было образом, купить дом, завести лошадей, а потом уж завести и жену. Могу ли я согласиться с ним? Я полюбил девушку, как любят только в мои лета. Неужели я должен отказаться от счастья оттого только, что она не имеет состояния?

Вышневецкая. Страдают не от одной бедности, страдают и от богатства.

Жадов. Помните наши разговоры с дядей? Что ни скажешь, бывало, против взятка или вообще против всякой неправды, у него один ответ: поди-ка поживи, не то заговоришь. Ну, вот я и хочу пожить, да еще не один, а с молодой женою.

Вышневецкая(вздыхая). Да, позавидуешь женщинам, которых любят такие люди, как вы.

Жадов(целуя руку). Уж как я буду трудиться, тетушка! Большого, вероятно, жена от меня не потребует. А если и случится даже некоторое время перенести нужду, так, вероятно, Полина, из любви ко мне, не покажет и виду недовольствия. Но, во всяком случае, как бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже миллионной доли тех убеждений, которыми я обязан воспитанию.

Вышневецкая. За вас-то можно поручиться; но ваша жена... молодая женщина! Ей трудно будет перенести какой бы то ни было недостаток. У нас очень дурно воспитывают девушек. Вы, молодые люди, представляете нас ангелами, а поверьте, Василий Николаич, что мы хуже мужчин. Мы корыстнее, пристрастнее. Что делать! нужно признаться: в нас чувства чести и строгой справедливости

гораздо меньше. Что еще в нас нехорошо, так это – недостаток деликатности. Женщина способна упрекнуть, что редкий развитой мужчина позволит себе. Самые обидные колкости нередки между короткими приятельницами. Иногда глупый попрек женщины тяжелее всякой обиды.

Жадов. Это правда. Но я сам буду ее воспитывать. Она еще совсем ребенок, из нее еще можно сделать все. Только надобно ее поскорей вырвать из семейства, пока не успели ее испортить пошлым воспитанием. А как сделают ее барышней, в полном смысле этого слова, тогда уж поздно.

Вышневецкая. Не смею сомневаться и не хочу вас разочаровывать. Было бы неблагородно с моей стороны охлаждать вас на первых порах. Давайте больше воли вашему сердцу, пока оно еще не зачерствело. Не бойтесь бедности. Бог вас благословит. Поверьте, что никто так не пожелает вам счастья, как я.

Жадов. Я всегда был в этом уверен, тетушка.

Вышневецкая. Одно меня беспокоит: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себе врагов.

Жадов. Да, мне все говорят, что я нетерпим, что от этого я много теряю. Да разве нетерпимость недостаток? Разве лучше равнодушно смотреть на Юсовых, Белогубовых и на все мерзости, которые постоянно кругом тебя делаются? От равнодушия недалеко до порока. Кому порок не гадок, тот сам понемногу втянется.

Вышневецкая. Я не называю нетерпимость недостатком, только знаю по опыту, как она неудобна в жизни. Я видала примеры... когда-нибудь вы узнаете.

Жадов. Как вы думаете, откажет мне дядюшка или нет? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мне бы теперь очень кстати.

Вышневецкая. Не знаю. Попросите.

Входят Вышневецкий во фраке и парике, за ним Юсов.

Явление восьмое

Те же, Вышневецкий и Юсов.

Вышневецкий(Жадову). А, здравствуй! (Садится.) Садись! Садись, Аким Акимыч! Ты все ленишься, на службу редко ходишь.

Жадов. Делать нечего. Не дают дела.

Юсов. Мало ли дела у нас!

Жадов. Переписывать-то? Нет уж, я слуга покорный! На это у вас есть чиновники способнее меня.

Вышневецкий. Ты все еще не уходился, мой милый! Все проповеди читаешь. (К жене.) Представьте: читает в канцелярии писарям мораль, а те, натурально, ничего не понимают, сидят, разиня рот, выпуча глаза. Смешно, любезный!

Жадов. Как я буду молчать, когда на каждом шагу вижу мерзости? Я еще не потерял веру в человека, я думаю, что мои слова произведут на них действие.

Вышневецкий. Они уж и произвели: ты стал посмешищем всей канцелярии. Ты уж достиг своей цели, успел сделать так, что все с улыбкой переглядываются и перешептываются, когда тыходишь, и распространяется общий хохот, когда ты уйдешь.

Юсов. Да-с.

Жадов. Однако что же смешного в моих словах?

Вышневецкий. Все, мой друг. Начиная от излишнего, нарушающего приличия увлечения, до ребяческих, непрактических выводов. Поверь, что каждый писец лучше тебя знает жизнь; знает по собственному опыту, что лучше быть сытым, чем голодным философом, и твои слова, естественно, кажутся им глупыми.

Жадов. А мне кажется, что они знают только то, что взяточником быть выгоднее, нежели честным человеком.

Юсов. Гм, гм...

Вышневецкий. Глупо, мой милый! И дерзко, и глупо.

Жадов. Позвольте, дядюшка! Для чего же нас учили, для чего же в нас развивали такие понятия, которых нельзя выговорить вслух без того, чтобы вы не обвинили в глупости или дерзости?

Вышневецкий. Не знаю, кто вас там и чему учил. Мне кажется, что лучше учить делать дело и уважать старших, чем болтать вздор.

Юсов. Да-с, гораздо бы лучше.

Жадов. Извольте, я буду молчать; но расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни.

Вышневецкий. Да, на чердаке, за куском черного хлеба. Славное утешение! С голоду восхвалять свою добродетель и ругать товарищей и начальников за то, что они умели устроить свою жизнь и живут в довольстве, семейно и счастливо. Прекрасно! Тут и зависть пособит.

Жадов. Боже мой!

Вышневецкая. Это жестоко.

Вышневецкий. Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорил что-нибудь новое. Всегда это было и всегда будет. Человек, который не умел или не успел нажить себе состояние, всегда будет завидовать человеку с состоянием – это в натуре человека. Оправдать зависть тоже легко. Завидующие люди обыкновенно говорят: я не хочу богатства; я беден, но благороден.

Юсов. Медоточивые уста!

Вышневецкий. Благородная бедность хороша только на театре. А попробуй перенести ее в жизни. Это, мой друг, не так легко и приятно, как нам кажется. Ты же привык слушаться только самого себя, пожалуй, еще женишься. Что тогда будет? Вот любопытно!

Жадов. Да, дядюшка, я женюсь и хотел об этом говорить с вами.

Вышневецкий. И, вероятно, по любви, на бедной девушке, а еще, пожалуй, и на дуре, которая об жизни имеет столько же понятия, сколько и ты; но уж, наверно, она образованна и поет под расстроенные фортепьяно: «С милым рай и в шалаше».

Жадов. Да, она бедная девушка.

Вышневецкий. И прекрасно.

Юсов. Для размножения нищих-с...

Жадов. Аким Акимыч, не оскорбляйте меня. Я вам не давал на это никакого права. Дядюшка, брак дело великое, и я думаю, что каждый в этом деле должен следовать собственному внушению.

Вышневецкий. Сделай милость, тебе никто и не мешает. Только подумал ли ты вот об чем? Ты, конечно, любишь свою невесту?

Жадов. Разумеется, люблю.

Вышневецкий. Что же ты готовишь для нее, какие радости в жизни? Нищету, всевозможные лишения. По моему мнению, кто любит женщину, тот старается усыпать путь ее, так сказать, всеми наслаждениями.

Юсов. Да-с.

Вышневецкий. Вместо шляпок там и разных мод, которые женщины считают необходимыми, ты будешь ей читать лекции о добродетели. Она, конечно, из любви тебя выслушает, а шляпок и салопов у нее все-таки не будет.

Вышневецкая. В его лета еще любовь не покупают.

Жадов. Тетушка говорит правду.

Вышневецкий. Я согласен, покупать любовь тебе нет надобности; но вознаградить ее, отплатить за любовь обязан всякий, иначе самая бескорыстная любовь остынет. Пойдут попреки, сетования на судьбу. Не знаю, каково будет тебе переносить, когда жена поминутно будет раскаиваться вслух, что, по неопытности, связала свою судьбу с нищим. Одним словом, ты обязан составить счастье женщины, которую ты любишь. А без богатства или, по крайней мере, довольства нет счастья для женщины. Ты, может быть, по своему обыкновению, станешь мне противоречить; так я тебе докажу, что это правда. Оглянись вокруг себя: какая умная девушка задумается выйти замуж за богатого старика или уroda? Какая мать усомнится выдать дочь таким образом, даже против ее воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество и благодаря Бога, что он послал ее Машеньке или Аннушке такое счастье. Каждая мать наперед уверена, что дочь после будет благодарить ее. Да и для собственного спокойствия, которое тоже что-нибудь стоит, муж должен обеспечить жену совершенно в материальном отношении; тогда даже... даже если жена и не совсем счастлива, так не имеет права... не смеет жаловаться. (С жаром.) Женщине, взятой из бедности и окруженной попечениями и роскошью, кто же поверит, что она несчастлива? Спроси у жены, правду ли я говорю.

Вышневецкая. Ваши слова так умны и убедительны, что могут обойтись и без моего согласия. (Уходит.)

Явление девятое

Те же, без Вышневецкой.

Жадов. Не все же женщины таковы, как вы говорите.

Вышневецкий. Почти все. Есть, конечно, исключения; но мудрено, чтоб на твою долю выпало это исключение. Для этого надобно пожить, поискать, а не

влюбляться, как ты, в первую встречную. Послушай, я с тобой буду говорить как родственник, потому что мне жаль тебя. Что ты, в самом деле, о себе думаешь? Как ты будешь жить с женой без средств?

Жадов. Я буду жить трудом. Я надеюсь, что спокойствие совести может заменить для меня земные блага.

Вышневецкий. Твоя работа будет мало для поддержки семьи. Хорошего ты не получишь, потому что ты с твоим глупым характером не сумеешь ни одного начальника расположить в твою пользу, а скорее вооружишь. Спокойствие совести тоже не спасет тебя от голода. Вот видишь, мой друг, в обществе заметно распространяется роскошь, а твои спартанские добродетели не живут вместе с роскошью. Мне твоя мать поручила заботиться о тебе, и я обязан для тебя сделать все, что могу. Вот что я тебе советую в последний раз: укроти немного свой характер, брось завышенные идеи, брось, глупо ведь, служи, как служат все порядочные люди, то есть гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебе помочь и советом, и деньгами, и протекцией. Ты уж не маленький – жениться собираешься.

Жадов. Никогда!

Вышневецкий. Как это громко: «никогда!» и как это глупо вместе с тем! Я так думаю, что ты возьмешься за ум; я довольно видел таких примеров, только смотри не опоздай. Теперь у тебя есть случай и покровительство, а тогда может не быть: ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдут вперед, трудно будет тебе начинать опять сначала. Я говорю тебе как чиновник.

Жадов. Никогда, никогда!

Вышневецкий. Ну, так живи, как знаешь, без поддержки. На меня уж не надейся. Мне надоело и говорить-то с тобой.

Жадов. Боже мой! Поддержка будет для меня в общественном мнении.

Вышневецкий. Да, дожидайся! У нас общественного мнения нет, мой друг, и быть не может, в том смысле, в каком ты понимаешь. Вот тебе общественное мнение: не пойман – не вор. Какое дело обществу, на какие доходы ты живешь, лишь бы ты жил прилично и вел себя, как следует порядочному человеку. Ну, а если ты

будешь ходить без сапог и читать всем мораль, так уж извини, если тебя не примут в порядочных домах и будут говорить о тебе как о пустом человеке. Я служил в губернских городах: там короче знают друг друга, чем в столицах; знают, что каждый имеет, чем живет, следовательно, легче может составиться общественное мнение. Нет, люди – везде люди. И там смеялись при мне над одним чиновником, который жил только на жалованье с большою семьей, и говорили по городу, что он сам себе шьет сюртуки; и там весь город уважал первого взяточника за то, что он жил открыто и у него по два раза в неделю бывали вечера.

Жадов. Неужели это правда?

Вышнековский. Поживи, так узнаешь. Пойдем, Аким Акимыч. (Встает.)

Жадов. Дядюшка!

Вышнековский. Что такое?

Жадов. Я получаю очень мало жалованья, мне нечем жить. Теперь есть вакансия, – позвольте мне занять ее, я женюсь...

Вышнековский. Гм... Для этого места нужно мне не женатого, а способного человека. Я не могу, по совести, дать тебе больше жалованья: во-первых, ты его не стоишь, а во-вторых – ты мой родственник, сочтут лицепрятием.

Жадов. Как вам угодно. Буду жить на те средства, какие имею.

Вышнековский. Да вот еще, мой милый! скажу тебе один раз навсегда: мне твой разговор не нравится, выраженья твои резки и непочтительны, и я не вижу никакой надобности для тебя расстроиваться. Не думай, чтобы я считал твои мнения оскорбительными – это слишком много чести для тебя, я просто считаю их глупыми. И потому все мои отношения к тебе, кроме начальнических, ты можешь считать совершенно конченными.

Жадов. Так я лучше перейду в другое место.

Вышнековский. Сделай милость. (Уходит.)

Явление десятое

Жадов и Юсов.

Юсов(смотря ему в глаза). Ха, ха, ха, ха!..

Жадов. Чему вы смеетесь?

Юсов. Ха, ха, ха!.. Да как же не смеяться-то? С кем вы спорите? ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

Жадов. Что же тут смешного?

Юсов. Что ж, дядюшка-то глупее вас? А, глупее? Меньше вас понимает в жизни? Да ведь это курам на смех. Ведь этак вы когда-нибудь уморите со смеху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жадов. Вы этого, Аким Акимыч, не понимаете.

Юсов. Понимать-то тут нечего. Хоть тысячу человек приведите, все бы померли со смеху, глядя на вас. Этого человека вам бы слушать надобно было, разиня рот, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Ведь это комедия, ей-богу, комедия, ха, ха, ха!.. Вот вас дядюшка-то и отделали, хе, хе, хе! да еще мало. То ли бы следовало. Будь я на его месте... (Делает строгую гримасу и уходит в кабинет.)

Явление одиннадцатое

Жадов(один, подумав). Да, разговаривайте! Не верю я вам. Не верю и тому, чтобы честным трудом не мог образованный человек обеспечить себя с семейством. Не хочу верить и тому, что общество так развратно! Это

обыкновенная манера стариков разочаровывать молодых людей: представлять им все в черном свете. Людям старого века завидно, что мы так весело и с такой надеждой смотрим на жизнь. А, дядюшка! я вас понимаю. Вы теперь всего достигли – и знатности, и денег, вам некому завидовать. Вы завидуете только нам, людям с чистой совестью, с душевным спокойствием. Этого вы не купите ни за какие деньги. Рассказывайте что хотите, а я все-таки женюсь и буду жить счастливо. (Уходит.)

Вышневецкий и Юсов выходят из кабинета.

Явление двенадцатое

Юсов и Вышневецкий.

Вышневецкий. На ком он женится?

Юсов. На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежского асессора.

Вышневецкий. Ты знаком с ней?

Юсов. Так-с, с мужем был знаком. Белогубов на другой сестре жениться хочет.

Вышневецкий. Ну, Белогубов другое дело. Во всяком случае, ты к ней съезди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. (Кивает головой и уходит.)

Явление тринадцатое

Юсов(один). Что это за время такое! Что теперь на свете делается, глазам своим не поверишь! Как жить на свете! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговаривает-то? Кто спорит-то? Так, ничтожество! Дунул на него, фу! (дует)- вот и нет человека. Да еще с кем спорит-то! – С гением. Аристарх Владимирыч гений... гений, Наполеон. Ума необъятного, быстрота, смелость в делах. Одного недостает: в законе не совсем тверд, из другого ведомства. Кабы Аристарх Владимирыч, при его уме, да знал законы и все порядки так, как его предшественник, ну и конец... конец... и разговаривать нечего. Поезжай за ним, как по железной дороге. Так ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякие угоды, и дома, и деревни с пустошами... Дух захватывает! (Уходит.)

Действие второе

Действующие лица

Фелисата Герасимовна Кукушкина, вдова коллежского асессора.

Юлинька

Полина

Аким Акимыч Юсов.

Василий Николаич Жадов.

Онисим Панфилович Белогубов.

Стеша, горничная девушка.

Комната в доме Кукушкиной: обыкновенная гостиная в небогатых домах.
Посредине дверь и налево дверь.

Явление первое

Юлинька, Полина стоят перед зеркалом и Стеша со щеткой и крылом в руках.

Стеша. Ну вот, мои барышни и готовы. Хоть сейчас женихи наезжайте, как на выставку выставлены, первый сорт. Такой форс покажем – в нос бросится. Генералу какому не стыдно показать!

Полина. Ну, Юлинька, по местам; сядем, как умные барышни сидят. Сейчас маменька будет нам смотр делать. Товар лицом продает.

Стеша(стирая пыль). Да уж как ни смотри, все в порядке, все на своем месте, все подшпилено да подколено.

Юлинька. Она у нас такой ревизор; что-нибудь отыщет.

Садятся.

Стеша(останавливается посреди комнаты). Уж и в самом деле, барышни, вам от нее житья нет вовсе. Муштрует, муштрует, как солдат на ученье. Все на вытяжке да на вытяжке, – только что ноги поднимать не заставляет. А уж надо мной-то измывается, измывается – одной только чистотой одолела. (Стирает пыль.)

Юлинька. Нравится тебе твой жених, Василий Николаич?

Полина. Ах, просто душка! А тебе твой Белогубов?

Юлинька. Нет, дрянь ужасная!

Полина. Зачем же ты маменьке не скажешь?

Юлинька. Вот еще! Сохрани Господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только бы из дому-то вырваться.

Полина. Да, правда твоя! Не попадись и мне Василий Николаич, кажется, рада бы первому встречному на шею броситься: хоть бы плохенький какой, только бы из беды выручил, из дому взял. (Смеется.)

Стеша(нагибаясь под диван). Уж истинно мука мученическая. Вот уж правду, барышня, говорите.

Полина. Другие девушки плачут, Юлинька, как замуж идут: как же это с домом расстаться! Каждый уголок оплачут. А мы с тобой – хоть за тридевять земель сейчас, хоть бы какой змей-горыныч унес. (Смеется.)

Стеша. Вот, не сотри я здесь, – так будет на орехи. А кто тут увидит, кому нужно! (Стирает под зеркалом.)

Юлинька. Ты счастлива, Полина; тебе все смешно; а я так серьезно начинаю подумывать. Выйти замуж не хитро – эта наука нам известна; надобно подумать и о том, как будешь жить замужем.

Полина. А об чем тут думать? Уж верно не будет хуже, чем дома.

Юлинька. Не хуже! Этого мало. Надобно, чтоб лучше было. Уж коли выйти замуж, так чтобы быть дамой, как следует барыней.

Полина. Оно бы очень хорошо, чего лучше, да только как это сделать? Ты ведь у нас умница: научи!

Юлинька. Надобно замечать из разговора, у кого что есть, кто на что надеется. Коли теперь нет, так в виду чего не имеет ли. Уж сейчас из слов видно, кто какой человек. Твой Жадов что говорит с тобой, как вы одни остаетесь?

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/aleksandr-ostrovskiy/dohodnoe-mesto>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)